

Pospíšil, Ivo; Dohnal, Josef

Несколько вступительных слов

In: N. V. Gogol: *Bytí díla v prostoru a čase* : (studie o živém dědictví).
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
7-11

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132707>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Двухсотлетняя годовщина со дня рождения Н. В. Гоголя вызвала огромный интерес не только у литературоведов, хотя именно их интерес стал в этом отношении преобладающим. Гоголь стал достоянием мировой литературы постепенно, скорее посредством других русских писателей, появившихся в европейской и мировой читательской среде раньше, – как, например, его младший коллега И. С. Тургенев – неоценимый пропагандист русской литературы за пределами России, а именно в Западной Европе и, опосредованно, в США – или гораздо позже Ф. М. Достоевский, ставший всемирным открытием чуть позже как представитель «реализма в высшем смысле слова», т. е. и поэтики модернизма. В процессе восприятия любой литературы на первый план выходят современники, и только потом все оглядываются назад в поисках их источников. Таким был и Н. В. Гоголь, символически считавшийся, с одной стороны, первым русским реалистом, а с другой – пионером первых модернистских и даже постмодернистских попыток. Постепенное обнаружение скрытых, глубинных тайн писателя происходит, на самом деле, в XX веке и в связи с писательской практикой. Недаром одним из выдающихся первооткрывателей Гоголя в современном смысле слова стал Владимир Набоков; но при этом еще раньше были русские символисты начала прошлого века, в том числе А. Белый, который не раз возвращался к автору *Мертвых душ*, и самым выразительным образом – в год сотой годовщины со дня рождения писателя в 1909 г. и потом в *Мастерстве Гоголя* (1934), над которым он работал с начала 30-х годов XX века. Многое, однако, можно найти и у современников Гоголя, в литературной критике его времени, которая была ближе самому автору и его вдохновителям. Гоголь, как и другие, не только «стоял на плечах гигантов», т. е. великанов мировой литературы и зacinателей зрелого периода повествовательных жанров, включая и роман: его первоисточниками были и его малороссийские (украинские) коллеги-писатели и, в качестве скрытого вдохновителя, известный польско-русский прозаик, редактор и издатель сомнительной репутацией и сложной жизненной историей Фаддей Венедикович Булгарин со своим *Иваном Выжигиным*.

По прошествии лет Гоголь стал не столько конкретным автором конкретных произведений, сколько символом, даже мифом русской литературы.

N. V. GOGOL: BYTÍ DÍLA V PROSTORU A ČASE
(STUDIE O ŽIVÉM DĚDICTVÍ)

туры, в том числе и в связи с гротескно-абсурдными веяниями в мировой литературе, с экзистенциальной литературой и прозой потока сознания. Следовательно, когда выявились поэтические связи Гоголя с литературным прошлым и стало ясно, что одним только реализмом его творчество не объяснишь, то показалось неизбежным вернуться к истокам и показать Гоголя снова в связи с конкретным материалом его произведений, посмотреть на него как на «простого смертного», исходившего из текущей литературы своего времени, читать и перечитывать повседневного Гоголя, Гоголя будней. С этой точки зрения, несмотря на всеобщее восхищение в России заново опубликованными работами западных русистов, нельзя игнорировать гоголеведение советской эпохи. Даже, может быть, конфронтация Гоголя с опытом русской советской литературы и с окружающей действительностью (что некоторым может представиться даже неприличным) привела к новым открытиям или, скорее, к новым вопросам, новым точкам зрения, к новому освещению его поэтики, к неожиданным взглядам и поразительным концепциям. Кроме того, как мы старались показать, наблюдаются противоречия, которые могут казаться и мнимыми, между западноевропейскими, американскими и русскими взглядами на писателя, хотя они в последнее время в определенном смысле стираются.

* * *

Когда историки литературы говорят «Гоголь» – они, прежде всего, говорят о писателе, ставшем зачинателем нового этапа русской литературы, об авторе настолько специфическом и знаменательном, что его значение для русской литературы можно сравнить только с А. С. Пушкиным. Гоголь часто шокировал своих современников, так что некоторые его произведения, например, «Ревизор» или «Нос», были просто ими непоняты.

Его современники не сумели оценить его искусство в полной мере. Даже В. Г. Белинский не смог полностью проникнуть в суть гоголевского миропонимания: он пытался толковать произведения Гоголя на основе своих представлений и убеждений, так что отчасти искал и находил только то, что хотел найти. Полное признание гоголевского новаторства пришло чуть позже. По достоинству понял и оценил Гоголя Ф. М. Достоевский, и по-настоящему восприняли его творчество, прежде всего, деятели культурной жизни России конца 19-ого – начала 20-ого веков.

Что именно вдохновляло в это время тех, кто обратились к Гоголю? Это были, в первую очередь, гротеск, алогичность, абсурд, иррациональность, которые в творчестве Гоголя переплетаются с чем-то близким рацио-

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

нальности, подобным ей, но, все-таки, отходящим от нее. Гоголевская модель мира, или же мир такой, каким его видит Гоголь, прочно уходит своими основами в некие первичные принципы, которые, кажется, «срабатывают», но как только принимаешь их за нечто незыблемое, за опорную точку, на которую можно положиться, оказывается, что их «правда», их прочность уже где-то «там» – она неуловима, хрупка, ее трудно найти.

Именно на это обманчивое впечатление прочности того, что нам говорит рационально мыслящая часть нашего «я», Гоголь обращает свое внимание и ставит это под сомнение, провоцируя, таким образом, наше видение реального; он сообщает нам, что мир «иной», может быть, реальнее как раз тем, что сомнительна именно «прагматическая реальность» рационального бытия. Гоголевский ревизор действительно приезжает, но он сначала «другой»; его же Башмачкин является сначала реальным, даже «типичным» мелким чиновником, однако позже он становится фантомом. Так же в двух пластиах смотрит писатель на ростовщика в рассказе «Портрет» – и свидетельств такого «распластания» литературных персонажей много. Нечего удивляться, что двойничество становится фактором, при помощи которого Гоголь шокирует не только в рассказе «Нос» – эту бинарность можно найти в таком количестве его произведений, что было бы логичным считать ее одним из основополагающих элементов той «модели мира», которую Гоголь вносит в мир искусства.

Именно двуплановость (ведь в гротеске и гротескном видении мира его основа трансформируется, но она в трансформированном виде все-объемлюща, и внимание читателя все время считается с ней, пользуясь ею в качестве основы для понимания этой второй, гротескной «реальности») к концу 19-ого века стала тем, что так влекло к Гоголю многих авторов. Следы гоголевской модели мира можно найти у Достоевского (для обоих, может быть, важную роль в их двуплановом видении мира сыграла, в том числе, и вера в Бога – их мышление все время конфронтирует «здесь» и «там», «временное» и «вечное», «человеческое» и «божье»). Сама реальность мира и способность человека познавать, понимать и отображать реальность ставятся в это время под сомнение. «Двуплановый мир» становится интуитивно исходным пунктом для изображения человека в мире и мира в человеке, сомнение в способности рационально познавать стало сопровождающим фактором, меняющим творческий метод в искусстве. Двуплановость характерна для младших и старших символистов, двуплановый мир осваивают «декаденты», чувствующие, что то, что есть, их не удовлетворяет, а то, что удовлетворяло бы их, только конструкт, не реальность.

Чувство напряжения, полидименциональности, некоторое «расфокусирование» рационального, хотя оно остается рациональным, чувство опас-

ности, чувство некоей многослойной действительности являются в этот период именно тем, что влечет к Гоголю (как, по-моему, будет привлекать и в будущем) – именно этим Гоголь «современен» в разные времена. Внутренний динамизм, вытекающий из противоречивости явлений, трансформируется в противоречивость психическую – обе они взаимосвязаны, не-мыслимы друг без друга (в случае, что мир действительно основывается на чем-то логически упорядоченном, внутренне одно- или двузначном). Итак – гоголевский способ видения мира, его модель мира вдохновляет и Белого, и Андреева, и Ремизова, и Зощенко, и Хармса, и многих других.

Кажется, именно это в творчестве Гоголя вдохновляет русских, и не только, писателей в течение всего 20-ого века. Отношение между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом как будто пульсирует, они взаимосвязаны; субъект – будь это гоголевский рассказчик или персонажи его произведений – все время чувствует объективность всего окружающего, но одновременно постоянно находит свою раздвоенную внутреннюю позицию по отношению к этому окружающему – при помощи разума, но – и прежде всего – при помощи интуиции, эмоций, фантазии, чаяний и страха, чутья чего-то большего, не-понятного. Неопределенность и вытекающее из нее экзистенциальное чувство постоянной угрозы, нависшей над одинокой, возможность «счастья», спокойствия только на мгновение тесно связывают Гоголя и с Ф. Кафкой, и с русской, и мировой литературой второй половины 20-ого века. Именно экзистенциальное чувство опасности, входящее в гоголевскую модель «мира в человеке и человека в мире», будет и в будущем обращать внимание новых поколений писателей и читателей к Гоголю.

* * *

Исследование поэтики, литературных видов и направлений относится к домinantному поприщу брненской славистики в общем и русистики в особенности, теперь – в организационных рамках Института славистики. Известны уже традиционные симпозиумы и конференции, проводившиеся здесь начиная с 70-х годов XX века в связи с исследованиями литературы и русской революции, по компаративистике, посвященные Франку Вольману, корифею чехословацкого сравнительного литературоведения; в связи с изучением творчества профессора Философского факультета Университета им. Масарика Романа Якобсона; с исследованием личности и творческого наследия Александра Николаевича Веселовского – учителя известного филолога, связанного со Словенией и Балканами, с Австрией, Германией

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

и Чехословакией, Матия Мурко – и в связи со многими его учениками – чешскими компаративистами первой половины прошлого столетия. Следовательно, тема гоголевской поэтики в широких масштабах является естественной и в связи с методологией брненской славистики, которая, разумеется, расширяет свой исследовательский диапазон в направлении ареальных исследований, культурологии, литературоведческой антропологии, герменевтики и всеобщей (генеральной) компаративистики и жанрологии; появляются и раздумья о новых путях филологии как таковой после долгой разлуки или почти изоляции друг от друга лингвистики и литературоведения. Шаги навстречу делаются не только в литературоведении в смысле новых подходов стилистики, но и в смысле культуроцентрического языкоизнания, которое перешагнуло границы предложения и даже текста и продвигается к стыку литературы, философии, эстетики и теории искусств, в том числе и художественной литературы. Многое из этого отражено в отдельных статьях настоящего тома исследований, в создании которого, к нашей большой радости, приняли участие крупные ученые из многих стран – гоголеведы, эстетики, литературоведы, поэтологи и другие. Сборник является свидетельством, что и литературоведы находят в гоголевских произведениях все новые импульсы для своей работы и открывают связи между Гоголем и другими литературами и литераторами.

*Иво Постпили
Йозеф Догнал
редакторы*

